

Д.Г. Гужва

Военная цензура русской периодической печати в годы Первой мировой войны

1 августа (н. ст.) 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну в составе крупнейшей коалиции воюющих держав – Антанты. Война потребовала перестройки всех сфер жизнедеятельности российского общества в целях мобилизации человеческих и материальных ресурсов на достижение победы. Важнейшее место в решении этих задач заняла отечественная периодическая печать.

В Первую мировую войну официальная российская периодическая печать руководствовалась документами (законами, постановлениями, положениями и приказами), принятыми как накануне, так и в ходе войны. Для предотвращения утечки секретной информации посредством печати была введена военная цензура. 2 августа 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков подписал «Перечень сведений, касающийся внешней безопасности России или ее Вооруженных Сил и сооружений, предназначенных для военной обороны страны, сообщение коих в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещалось», включавший 18 запретительных пунктов [Собрание Узаконений... 1914. № 191. Ст. 2056]. Вскоре был утвержден еще более полный «Перечень» из 25 пунктов, дополненный запретом к публикации сведений, касающихся личного состава воинских частей, боеготовности армии и флота, потерь в личном и материальном составе армии и флота, волнений среди жителей занятых нашими войсками областей и др. [Собрание Узаконений... 1914. № 203. Ст. 2079]. 31 июля (13 августа) 1915 г. вышел последний за годы войны «Перечень», состоявший из 30 пунктов [Собрание Узаконений... 1915. № 220. Ст. 1710]. Однако необходимо отметить, что все ранее перечислен-

ные запреты распространялись только на печатные, а не на устные высказывания.

Основным законом, которым в своей деятельности руководствовалась российская пресса, было «Временное положение о военной цензуре» [Собрание Узаконений..., 1914. № 192. Ст. 2057], утвержденное Николаем II на следующий день после начала войны. За основу данного нормативно-правового акта был взят проект «Положения о военной цензуре», разработанный Главным управлением Генерального штаба осенью 1909 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 1).

«Временное положение о военной цензуре» регламентировало все аспекты жизнедеятельности прессы и журналистов. Согласно «Положению» министру внутренних дел предоставлялось право запрещать при объявлении мобилизации во время войны сообщение сведений, касающихся внешней безопасности России или ее вооруженных сил, а также сооружений, предназначенных для военной обороны страны. Виновные в разглашении этих сведений могли подвергаться тюремному заключению. Такому же наказанию подвергались виновные в возбуждении акций к прекращению войны. Также главнокомандующему или командующему отдельной армией разрешалось в случае необходимости для успеха ведения войны запрещать собственной властью в подчиненной им местности выпуск периодических изданий [Собрание Узаконений... 1914. № 192. Ст. 2057].

«Временное положение о военной цензуре» состояло из девяти глав. В первой главе излагались общие положения о военной цензуре. Прежде всего объяснялось, что военная цензура есть мера исключительная и имеет назначение не допускать при объявлении мобилизации армии, а также во время войны оглашения и распространения сведений, наносящих вред военным интересам государства. Военная цензура могла устанавливаться в полном объеме или частично. В полном объеме военная цензура функционировала в местах ведения военных действий, а частичная – вне таких мест. В первом случае все указанные материалы просматривались предварительно. Во втором цензура распространялась на международную почтовую и телеграфную переписку, а на внутреннюю – по распоряжению главных начальников военных округов.

Вторая глава определяла организацию учреждений военной цензуры. На фронте ее осуществляли штабы командующих армиями, фронтами и военными округами. За пределами фронтовых районов эта задача возлагалась на Главную военно-цензурную комиссию, находившуюся при Главном управлении Генерального штаба, и местные военно-цензурные комиссии, состоявшие при штабах военных округов.

В третьей главе были прописаны обязанности учреждений военной цензуры. Права и обязанности военных цензоров были изложены в следующих трех главах «Положения». В четвертой главе определялся порядок цензуры произведений печати на театре военных действиях. Ее первая статья гласила, что военным цензорам вменялось в обязанность не допускать к опубликованию сведений, даже если они были и не предусмотрены подробными правилами, издаваемыми военным министром по применению настоящего временного положения, которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства. Таким образом, эта статья значительно расширяла права военного цензора и давала ему возможность запретить до разрешения в высшей инстанции любую корреспонденцию, если он посчитает, что в ней разглашается военная тайна.

Глава пятая определяла взаимоотношения военного цензора и типографий, литографий, металлографии, а также заведений, производящих и продающих типографские шрифты, краски и т. п. и осуществлявших книжную торговлю на фронте. Глава шестая устанавливала военную цензуру почтовых отправлений и телеграмм. О военной цензуре речей и докладов говорилось в седьмой главе. Глава восьмая сообщала об ответственности за нарушения по военной цензуре. Согласно ей ответственность за содержание публикуемых в периодических изданиях сведений и изображений нес редактор, и он считался главным виновником, если требования военной цензуры были его газетой или журналом нарушены.

Дела о нарушении требований военной цензуры возбуждались штабами армий, фронта или военных округов, а также учреждениями и должностными лицами по принадлежности. Когда в выпущенных в свет изданиях обнаруживались нарушения, то на них

мог налагаться арест. Девятая глава «Положения» устанавливала штаты Главной военно-цензурной комиссии и местной военно-цензурной комиссии.

Применение на практике «Временного положения о военной цензуре» вскрыло ряд недостатков в организации цензуры. Во-первых, несовершенство ее обуславливалось существенным различием в отношении цензуры к печати в тех местностях, где она была введена в полном объеме – на театре военных действий, и в частичном – вне его. Во-вторых, самой спорной в «Положении» (касаемо периодической печати) была статья 31, согласно которой военным цензорам всех степеней предоставлялось право «не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства» [Собрание Указаний... 1914. № 192. Ст. 2057]. Исходя из такой постановки вопроса, военный цензор по личному усмотрению мог допустить или не допустить материал к опубликованию либо допустить его в печать частично, вымарывая подозрительные, по его мнению, места. В результате такой «правки» публикация нередко теряла свой первоначальный смысл и была непонятна читателю.

В итоге в ситуацию пришлось вмешаться высшему командованию русской армии. В телеграмме от 2(15) августа 1915 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерал-лейтенант А.А. Гулевич обратил внимание военных цензоров на злоупотребление ими ст. 31 «Временного положения о военной цензуре» (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1001. Л. 656–657). Основные мероприятия по совершенствованию нормативно-правовой базы деятельности прессы в области военной цензуры были завершены летом 1915 г. и до отречения Николая II от престола существенных изменений не претерпели.

Необходимо отметить, что командование русской армии пристально следило за тем, чтобы на передовую не попадали издания различных пацифистских и революционных организаций, могущие негативно повлиять на морально-психологическое состояние нижних чинов и офицеров. Например, в декабре 1914 г. в телеграмме начальнику штаба 1-й армии генерал-майору К.К. Баюву от на-

чальника штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от кавалерии В.А. Орановского сообщалось, что, по полученным агентурным сведениям, пацифистские общества, наряду с революционными кружками, стремятся использовать в больших объемах доставку печати в действующую армию, госпитали и лазареты, а также в эшелоны с войсками, с целью распространения революционных и антивоенных воззваний, вкладывая их в газеты и журналы. Главнокомандующий потребовал, чтобы в войска армии не пропускали никакую печатную продукцию, «исходящую от общества “Мир” и ему подобных пацифистских организаций» (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1003. Л. 10). В июле 1915 г., согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего, был запрещен для высылки в войска издаваемый в Петрограде духовный листок «Сеятель» как проповедующий «пацифистические» идеи, а также было предписано запретить «обращение названного издания в управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства вне театра военных действий» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2116. Л. 1). В секретных телеграммах от штаба Верховного главнокомандующего в адрес редакторов газет категорически запрещалось печатать сведения о стрельбе немцев снарядами, распространяющими ядовитые газы и о действиях этих снарядов; о польских легионах, «ибо таких нет»; о беженцах; о начале наступления на том или ином участке фронта; о забастовках и т. д. (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1001. Лл. 219, 224, 225, 482; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 899. Л. 100, 104, 109).

После Февральской революции 1917 г. новая власть не осталась в стороне от проблем печати в целом и цензуры в частности. Она приняла непосредственное участие в совершенствовании существовавшей нормативно-правовой базы по данному вопросу. 27 апреля (10 мая) 1917 г. вышло постановление Временного правительства «О печати», согласно которому «печать и торговля произведениями печати стали свободными» [Собрание Узаконений... 1917. № 109. Ст. 597]. Применение к ним административных взысканий не допускалось. Однако после провала июньского наступления, одной из причин которого стала гласность и свобода слова в печати, чем и воспользовались антиправительственные организации, новой влас-

ти пришлось пожалеть о принятии столь недальновидного закона. В спешном порядке, один за другим, Временным правительством было подписано три постановления, регламентирующих деятельность военных и фискальных органов в районе боевых действий.

Согласно изменению от 12(25) июля 1917 г., внесенному в закон «О печати», военному министру и министру внутренних дел было предоставлено право закрывать периодические издания, призывающие к окончанию войны, неповиновению начальникам и к свержению Временного правительства, а редакторов этих газет привлекать к судебной ответственности (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 16. Л. 74). В соответствии с этими поправками, был издан приказ Военного и морского министра А.Ф. Керенского, вменявший в обязанность всем начальникам и комиссарам Временного правительства тщательно следить за нераспространением в действующей армии оппозиционных газет, а в случае их появления – немедленно выходить с ходатайством об их закрытии. Одновременно сообщалось о закрытии большевистских изданий «Солдатская правда» и «Окопная правда» (РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 619. Л. 90).

14 (27) июля 1917 г. было подписано постановление «О воспреещении оглашения в печати без предварительного просмотра военной цензурою сведений, относящихся к военным действиям» [Собрание Узаконений... 1917. № 189. Ст. 1129], согласно которому запрещалось помещать в периодических изданиях и других произведениях печати без предварительного просмотра военной цензурой сведений, относящихся к военным действиям российской армии и флота, а также о состоянии армии и флота и о мероприятиях военного характера, разглашение которых может нанести ущерб интересам российских или союзных армий и флотов. Особенность этого документа заключалась в том, что ввести его в действие предписывалось оперативно, при помощи телеграфа, до обнародования в «Вестнике Временного правительства». Такая поспешность в доведении закона до широкой общественности ярко свидетельствовала о его важности.

Заключительным нормативным актом в череде законов Временного правительства, касающихся военной цензуры, стало постановление «О специальной военной цензуре печати» от 26 июля

(8 августа) 1917 г. [Собрание Указаний... 1917. № 199. Ст. 1130], действие которого предполагалось «на время настоящей войны до ратификации мирного договора». Постановление включало в себя пять глав и перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой, состоявший из 30 статей. По своему содержанию оно мало чем отличалось от «Временного положения о военной цензуре», за исключением отсутствия некоторых глав и расширенного перечня запрещенных для публикации сведений.

После Октябрьской революции 1917 г. одним из первых законов, изданных большевиками, стал Декрет СНК РСФСР «О печати» [Собрание Указаний... 1942. № 1. Ст. 7], подписанный В.И. Лениным 9 ноября 1917 г. В документе отмечалось, что «буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии... она не менее опасна... чем бомбы и пулеметы. Как только новый порядок упрочится, всякие административные меры на печать будут прекращены...». Этим же декретом СНК постановил закрыть органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению и неповиновению рабочему и крестьянскому правительству, сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов, призывающих к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера.

Исследователь истории отечественной печати Г.В. Жирков отмечал, что этот декрет не был обычным юридическим законом о печати, а являлся программным документом большевиков. Декрет не ликвидировал буржуазную и мелкобуржуазную прессу, а лишь преследовал призывы к открытому сопротивлению и неповиновению Советской власти, ложь и клевету, т. е. имел больше агитационный характер [Жирков, 1999, с. 12]. На основании декрета с октября 1917 г. по июнь 1918 г. были закрыты или прекратили существование по другим причинам более 470 антиправительственных изданий [Гончаров, 1969, с. 16]. Оппозиция в ответ на это использовала старый революционный прием прессы: печатный орган вновь воскресал под измененным названием. Так, «Голос солдата» за три месяца сменил девять названий, но в итоге все равно перестал существовать [Жирков, 2001, с. 229].

В ответ на тактику смены названий газет Совнарком 28 января 1918 г. принимает декрет «О революционном трибунале пе-

чати». В его ведение передавалось рассмотрение преступлений и проступков против народа, совершаемых путем использования печати [Собрание Указаний... 1917–1918. № 28. Ст. 362]. Трибунал состоял из трех человек, избравшихся на срок не более трех месяцев. Заседание происходило публично, при большом стечении журналистов. Приговор являлся окончательным и обжалованию не подлежал. В исполнение он приводился Красной гвардией, милицией, войсками и исполнительными органами республики. Декрет определял следующие виды наказания: денежный штраф, выражение общественного порицания, помещение на видном месте приговора или же специальное опровержение ложных сведений, остановка издания могла быть временной или окончательной, конфискация в общенародную собственность типографий или имущества издания печати, лишение свободы, удаление из столицы, отдельных местностей или пределов Российской республики, а также лишение виновного всех или некоторых политических прав. Просуществовали трибуналы печати до мая 1918 г.

Демонстрируя лояльность к органам печати, новое правительство, в лице народного комиссара по военным делам РСФСР Н.И. Подвойского, издало два приказа, касающихся военной цензуры. 12 января 1918 г. был упразднен институт военных цензоров в военных почтово-телеграфных контрольных бюро [Собрание Указаний... 1917–1918. № 16. Ст. 230], а 26 января нарком подписал приказ «Об упразднении военной цензуры печати», дела которой передавались в ведение Военного почтово-телеграфного контроля [Собрание Указаний... 1917–1918. № 19. Ст. 294]. Однако нестабильное положение советской власти привело к тому, что уже в декабре 1918 г. правительством было принято положение «О военной цензуре» [Собрание Указаний... 1917–1918. № 97. Ст. 987], которое по своему содержанию было почти полностью идентично царскому «Временному положению о военной цензуре».

Говоря об организации военной цензуры в годы Первой мировой войны, необходимо также упомянуть о «Положении о военных корреспондентах в военное время» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78–84), которое было разработано Главным управлением Генерального штаба в 1912 г. с учетом ранее проведенных Россией

войн (Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг.). Согласно Положению «военным корреспондентом на театре военных действий считалось лицо, особо уполномоченное редакцией издания или телеграфным агентством для сообщения сведений с театра войны и утвержденное в этом звании начальником Генерального штаба» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78]. Подчеркивалось, что, кроме утвержденных начальником Генштаба военных корреспондентов, ни одно лицо не имело права посылать с театра войны какие-либо сведения, предназначенные для печати. Предусматривался допуск в армию 20 (в том числе 10 иностранных) корреспондентов. Военным корреспондентам разрешалось пользоваться фотоаппаратами. Кроме корреспондентов на театр военных действий допускались три русских военных фотографа (из профессионалов), утверждаемых в этом звании также начальником Генштаба. Военным фотографам запрещалась подготовка текстовых публикаций, им разрешалось лишь помещать под иллюстрациями краткие подписи.

Военные корреспонденты и фотографы утверждались в этих званиях после того, как давали подписку, что они обязуются беспрекословно подчиняться всем требованиям «Положения», а также соответствующим взысканиям в случае нарушения этих требований. Утвержденные в своем звании военные корреспонденты и фотографы получали от Главного управления Генерального штаба (ГУ ГШ) специальные удостоверения и нарукавные повязки. Ношение последних было обязательно в тех районах, в которых действовало «Положение о полевом управлении войск». Список военных корреспондентов и военных фотографов публиковался ГУ ГШ для всеобщего сведения и сообщался начальнику штаба главнокомандующего (начальнику штаба отдельной армии) для отдания его в приказе. В списке указывались: фамилия, имя, отчество военного корреспондента (фотографа); номер его нарукавной повязки, соответствующий тому номеру, под которым военный корреспондент (фотограф) занесен в список ГУ ГШ; представителем какого издания (агентства) он является (если издание иностранное, то также название страны, в которой выходит издание); время отправления корреспондента (фотографа) на фронт, а также к кому он должен явиться по прибытии. Обяза-

тельным условием для военного корреспондента было, чтобы он являлся подданным государства, в котором издавалось представляемое им издание (агентство). Военным фотографом мог быть только русский подданный.

Лица, желавшие быть утвержденными в звании военных корреспондентов, подавали в ГУ ГШ прошение на имя начальника Генерального штаба. К прошению прикладывались: удостоверение редакции (агентства) о том, что соискатель действительно уполномочен на это редакцией; документ, удостоверяющий личность; три фотографические карточки с собственноручной подписью просителя, надлежащим образом засвидетельствованные; свидетельство о благонадежности для русских подданных, а для иностранных – рекомендация нашего дипломатического представителя и военного агента в соответствующем государстве; денежный залог в размере: для русских военных корреспондентов – 25 000 рублей, для иностранных корреспондентов – 75 000 франков, а для военного фотографа – 10 000 рублей (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 82).

В случае утверждения просителя в звании военного корреспондента представленный им залог хранился в ГУ ГШ для удержания из него штрафов, если таковые будут наложены. В случае же отказа залог возвращался просителю вместе с остальными документами. Также требовалось представить нотариальное обязательство редакции (агентства) о том, что в случае уменьшения залога путем удержания из него штрафных сумм до половины первоначального размера редакция немедленно доводит залоговую сумму до установленной нормы.

Согласно «Положению» на фронте военные корреспонденты и военные фотографы находились в ведении начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего, к которому они обязаны были явиться немедленно по прибытии в действующую армию. Из документов военному корреспонденту возвращались: удостоверение ГУ ГШ об утверждении в должности военного корреспондента и военного фотографа; документ, удостоверяющий личность, и одна фотографическая карточка, засвидетельствованная начальником военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего. Все эти документы должны были постоянно находиться

при военном корреспонденте и немедленно предъявляться им для проверки по первому требованию военного начальства. Приступить к работе военный корреспондент и военный фотограф могли лишь после разрешения на это начальника военно-цензурного управления при штабе главнокомандующего. Для личных нужд журналист мог иметь прислугу, но не более одного человека. Как им, так и прислуге запрещалась отлучка за пределы района расположения штаба главнокомандующего.

Военный корреспондент или фотограф, допущенный на театр военных действий, мог сложить с себя обязанности военного корреспондента (фотографа) лишь по ходатайству перед начальником штаба главнокомандующего. Отказавшегося от звания военного корреспондента или фотографа немедленно высылали из действующей армии, причем до перехода им границ театра военных действий он должен был выполнять правила «Положения».

Военные корреспонденты осведомлялись о ходе дел у начальника военно-цензурного отделения. Вся корреспонденция, предназначенная к отправке с театра войны для печати, представлялась предварительно для цензуры в двух экземплярах, один из которых оставался в военно-цензурном отделении. Иностранные военные корреспонденты должны были представлять свои материалы лишь на французском, немецком или английском языках. Корреспонденции на иных языках не пропускались. Все иллюстрации представлялись также в двух экземплярах. Каждая из них должна была иметь подпись.

Что касается наказаний, налагаемых за нарушение правил военной цензуры, то кроме общих наказаний в «Положении» предусматривались особые взыскания за нарушение требований, предъявляемых к военным корреспондентам (фотографам) при работе на фронте. Военный корреспондент (фотограф), замеченный без нарукавной повязки, подвергался штрафу: в первый раз в размере от 25 до 100 рублей, во второй раз – от 100 до 300 рублей, в третий и последующие разы – 500 рублей. Если журналист (фотограф) отправил без предварительного представления начальнику военно-цензурного отделения корреспонденцию или иллюстрацию, предназначенную для печати или не предназначенную, но затем напечатанную, он подвергался за это: в первый раз штрафу 3 000

рублей, во второй раз – лишению звания военного корреспондента (фотографа) (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 82). В случае, если военный корреспондент (фотограф) отлучался без соответствующего разрешения начальника военно-цензурного отделения за пределы района расположения штаба главнокомандующего, пробыл в отлучке не более трех суток и затем возвращался в район расположения штаба, он подвергался за это: в первый раз штрафу от 3 000 до 5 000 рублей, во второй – от 5 000 до 10 000 рублей и в третий раз – лишению звания военного корреспондента (фотографа) (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 82).

Военный корреспондент (фотограф), отлучившийся без соответствующего на то разрешения начальника военно-цензурного отделения за пределы района расположения штаба главнокомандующего и пробывший в отлучке более трех суток или же совсем не явившийся обратно, подвергался за это лишению звания военного корреспондента (фотографа) и сверх того: 1) если во время отлучки он пребывал в местностях, на которые распространяется действие «Положения о полевом управлении войск», – заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от шести месяцев до одного года; 2) если он пребывал во время отлучки вне местности, на которую распространяется действие «Положения о полевом управлении войск», – заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от трех до шести месяцев (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 82). Взыскания за нарушение требований военной цензуры, а также взыскания, перечисленные в «Положении», за исключением наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом, налагались на военного корреспондента (фотографа) в административном порядке властью начальника штаба главнокомандующего по представлению начальника военно-цензурного отделения. Административные взыскания, наложенные на военных корреспондентов и фотографов, обжалованию не подлежали.

О каждом взыскании, наложенном на военного корреспондента (фотографа), связанном с денежным штрафом, сообщалось в ГУ ГШ для удержания соответствующей суммы из залога виновного. Штрафные суммы вносились в доход государства. Лишение звания военного корреспондента (фотографа) было связано с

последующей высылкой в одну из внутренних губерний России, где он отдавался под гласный надзор полиции до прекращения боевых действий. Свой залог или оставшуюся его часть, военные корреспонденты (фотографы) получали лично в ГУ ГШ после прекращения действия военной цензуры.

Однако, несмотря на столь строгие меры по предотвращению утечки секретных сведений посредством печати, в начале войны в сообщении от военного министерства говорилось, что осведомление населения о ходе ведения боевых действий будет вестись в пределах возможного и «общество должно мириться с краткостью и вероятной скудностью тех сведений, которые ему будут сообщаться» [Русский инвалид, 1914, № 159]. Также сообщалось, что сведения о французских и сербских войсках будут передаваться в очень ограниченном объеме, как и о наших войсках, для того чтобы путем их огласки не навредить успеху борьбы с общим врагом. В то же время в первый же день вступления в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич указал в телеграмме начальникам военных округов, что «корреспонденты в армию допущены не будут» [Лемке, 1920, с. 133]. 7 (20) сентября 1914 г. в приказе войскам 1-й армии за подписью командующего армией генерала от кавалерии фон П.К. Ренненкампа было объявлено, что в некоторых газетах появляются телеграммы и заметки под рубрикой: «От собственных корреспондентов из действующей армии». Ввиду того, что корреспонденты в действующую армию не допущены, появление в печати корреспонденций из армии недопустимо (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1003. Л. 6).

Однако по прошествии нескольких недель войны, ввиду появления в русской печати публикаций и сообщений под рубрикой «от собственных корреспондентов из действующей армии», содержание и факты которых поддавались сомнению из-за отсутствия корреспондентов на передовой, позиция русского командования по отношению к печати изменилась. В сентябре 1914 г. великий князь Николай Николаевич (младший) потребовал «во всех штабах корпусов и отдельно действующих отрядов назначить особых офицеров, которым был бы поручен сбор соответственных мате-

риалов в целях официального или неофициального помещения этих данных в печати» [Лемке, 1920, с. 135].

Подводя итог деятельности военной цензуры по отношению к периодической печати, можно констатировать, что Российская империя вступила в Первую мировую войну с достаточно обеспеченной нормативно-правовой базой в вопросах печати. Это стало возможно благодаря учтенному опыту информационного обеспечения в предыдущих войнах (Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг.); заранее подготовленной законодательной базе в области печати («Положение о военных корреспондентах в военное время», «Временное положение о военной цензуре» и неоднократно дорабатывавшиеся с учетом изменения обстановки «Перечни сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещалось»), а также постоянному контролю со стороны правительства, которое, несмотря на неоднократную смену политических курсов в государстве, не пускало на самотек вопросы регулирования деятельности прессы как важного информационного и пропагандистского средства.

Литература

- Гончаров А.А. Борьба Советской власти с контрреволюционной буржуазной и мелкобуржуазной печатью (25 октября 1917 г. – июль 1918 г.) // Вестник Московского университета. М., 1969.
- Жирков Г.В. Журналистика двух России: 1917–1920 гг. СПб., 1999.
- Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
- Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920.
- Русский инвалид. 1914.
- Собрание Указаний и распоряжений правительства. СПб., 1914.
- Собрание Указаний и распоряжений правительства. СПб., 1915.
- Собрание Указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918.
- Собрание Указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1942.